

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева
Под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кондратьева
Перевод стихов Ф. А. Петровского

ХІХ. Юлий Капитолин *

ДВОЕ МАКСИМИНОВ

І. (1) Чтобы твоей милости, величайший Константин, не показалось скучным читать об отдельных государях или детях государей в отдельных книгах, я решил ограничить себя и охватить в одном томе жизнь двоих Максиминов, отца и сына. (2) Затем я сохранил тот порядок изложения, который, согласно желанию твоего благочестия, был сохранен Тацием Кириллом, светлейшим мужем, который сделал перевод с греческого на латинский язык. (3) И это я буду соблюдать не в одной этой книге, но и в большей части последующих, исключая жизнеописания великих императоров, деяния которых, более многочисленные и более славные, требуют и более длинного изложения. (4) Максимин старший выдвинулся при императоре Александре, военную же службу он начал при Севере. (5) Он был родом из фракийского поселка, на границе с варварами; варварами же были его отец и мать, из которых первый был из страны готтов, а вторая из племени аланов. (6) Говорят, что имя отца было Микка, а матери — Габаба. (7) В первое время эти имена называл сам Максимин, впоследствии же, придя к власти, он приказал скрывать их, чтобы не обнаружилось, что император происходит от обоих родителей-варваров.

ІІ. (1) В раннем детстве он был пастухом, был он также главарем молодежи, устраивал засады против разбойников и охранял своих от их нападений. (2) Первая его военная служба была в коннице. Он выделялся своим огромным ростом; среди всех воинов он славился своей доблестью, отличался мужественной красотой, неукротимым нравом, был суров, высокомерен, презрителен в обращении, но часто проявлял справедливость. (3) Первой причиной его известности при Севере было следующее. (4) В день рождения своего младшего сына Геты Север устроил военные игры, назначив в качестве наград серебряные вещи, то есть, браслеты, шейные цепи, пояски. (5) Тут юноша и полуварвар, с трудом говоривший по-латыни, почти что на фракийском языке при всех просит императора дать ему разрешение состязаться с теми, кто занимал на военной службе не последнее место. (6) Удивленный его большим ростом, Север, чтобы не нарушать военной дисциплины, поставил его на первый раз против лагерных служителей, но выбрал из них самых храбрых. (7) Максимин без передышки победил шестнадцать лагерных служителей, он получил шестнадцать незначительных невоенных наград, и было приказано записать его на военную службу.

* Перевод сделан по изданию Э. Холя (1927 г.).

III. (1) Случилось, что на третий день после этого Север выехал в поле и увидел, как Максимин по-варварски резвится среди толпы; он тотчас же приказал трибуну призвать его к порядку и научить правилам римской дисциплины. (2) Тогда Максимин, поняв, что император говорит о нем, как варвар возмечтал, что он уже известен государю и отмечен им среди множества; он подошел к ногам императора, ехавшего верхом. (3) Тут Север, желая узнать, насколько тот вынослив в беге, пустил коня, делая много поворотов. Когда престарелый император уже утомился, а Максимин, не останавливаясь, пробежал большое расстояние, Север сказал ему: «Ну что, фракиец, хочешь еще побороться после бега?». Тогда Максимин ответил: «Сколько угодно, император». (4) После этого Север сошел с коня и велел померяться силой с Максиминим самым бодрым и сильным воинам. (5) Тут Максимин, как обычно, без передышки победил семерых самых сильных и — единственный из всех — кроме награды серебром получил в подарок от Севера золотую шейную цепь; ему было приказано всегда стоять во дворце среди личной охраны государя. (6) С этого времени он и стал заметным, славным среди воинов; его любили трибуны, уважали соратники, он мог добиться от императора всего, чего хотел. Север помогал ему даже получать военные чины, хотя он и был совсем юным. Он выделялся среди всех своим высоким ростом, крупным телосложением, красотой, огромными глазами и белым цветом кожи.

IV. (1) Известно, что он часто выпивал за день капитолийскую амфору вина и съедал по сорока фунтов мяса, а по словам Корда, — даже по шестидесяти. (2) Он всегда воздерживался от овощей и почти всегда — от холодной воды, если только его не одолевала жажда. (3) Он часто собирал свой пот и сливал его в чаши или в маленький сосуд и затем показывал два или три секстария этого пота. (4) При Антонине Каракалле он в течение долгого времени нес службу центуриона и часто исполнял другие военные обязанности. В правление Макрина, которого он сильно ненавидел за то, что тот убил сына его императора, он ушел с военной службы, приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он был родом, и все время поддерживал сношения с готами. Готы особенно любили его словно своего соплеменника. (5) Аланы, приходившие к берегу реки, признавали его своим другом и обменивались с ним дарами. (6) Но после того как Макрин был убит вместе со своим сыном, Максимин, узнав о том, что Гелиогабал — как сын Антонина — стал императором, пришел к нему, уже будучи в зрелом возрасте, и просил его относиться к нему так же, как относился его дед Север. Однако при этом грязном человеке Максимин не мог иметь никакого значения. (7) Говорят, что Гелиогабал, шутя с ним самым непристойным образом, спросил его: «Говорят, Максимин, что в былое время ты одолевал и шестнадцать, и двадцать, и тридцать воинов. А можешь ли ты тридцать раз закончить с женщиной?» (8) Тогда тот, увидев, что беспутный император начинает вести такие речи, оставил военную службу. (9) Однако друзья Гелиогабала удержали Максимиана, боясь, чтобы к бесславию Гелиогабала не добавилось еще и то, что он удалил из своего войска храбрейшего человека своего времени, которого одни называли Геркулесом, другие — Ахиллом, третьи — Гектором, а иные — Аяксом.

V. (1) Во время правления этого в высшей степени грязного человека он только носил почетное звание трибуна, но никогда не подходил к его руке, никогда не приветствовал его. В течение всех этих трех лет он разъезжал в разные стороны; (2) то он был занят своими полями, то отдыхом, то лечил притворные болезни. (3) Узнав — после убийства Гелиогабала, — что государем объявлен Александр, он немедленно поспешил в Рим. (4) Александр принял его с поразительной радостью, поразительными приветствиями и произнес такие слова в сенате: «Отцы сенаторы, Максимин, трибун, которому я добавил широкую пурпурную полосу, пришел ко мне, — тот самый Максимин, который в правление того грязного чудовища не мог нести военной службы, который при божественном отце моем Севере был в большом почете, о чем вы знаете понаслышке». (5) Он немедленно поставил Максимиана трибуном четвертого легиона, который он сам составил из новобранцев, и превознес его в таких словах: (6) «Я не вверил тебе, мой дражайший и любезнейший Максимин, старых воинов потому, что боялся, что ты не будешь в состоянии исправить их пороки, выросшие при других начальниках. (7) Ты

получаешь новобранцев, научи их военному делу в духе твоих нравов, твоей доблести, твоего трудолюбия, чтобы ты один создал мне много Максиминов, желанных для государства».

VI. (1) Итак, получив легион, он немедленно начал обучать его. (2) Каждый пятый день он приказывал воинам заниматься бегом и производить подобие военных действий; их мечи, копья, панцири, шлемы, щиты, туники и все их оружие он ежедневно осматривал, (3) сам проверял даже их обувь, вообще являлся как бы отцом для воинов. (4) Некоторые трибуны упрекали его, говоря: «Зачем ты столько трудишься, занимая уже такое положение, что мог бы получить звание военного начальника». Он, говорят, ответил: «Чем выше я буду, тем больше буду трудиться». (5) Он сам занимался с воинами борьбой и валил на землю по пяти, шести, семи и даже по пятнадцати человек. (6) Все завидовали ему, и какой-то заносчивый трибун огромного роста, известный своей доблестью и потому самонадеянный, сказал ему: «Не великое дело, если ты, будучи трибуном, побеждаешь своих воинов». Тогда Максимиин спросил его: «Хочешь, померяемся силой?» (7) Когда противник выразил свое согласие и пошел на него, Максимиин ударил его ладонью в грудь и повалил на спину, а потом сказал: «Дайте другого, но уже настоящего трибуна». (8) Кроме того, как передает Корд, он был такого высокого роста, что на один дюйм превышал восемь футов, а его большой палец был так велик, что он носил на нем как кольцо браслет с правой руки своей жены. (9) Едва ли не у всего народа на устах рассказы о том, что он мог руками притянуть к себе телегу, что нагруженную дорожную повозку он вез один; ударяя коня кулаком, он выбивал ему зубы, ударяя его ногой — ломал ему голени; туфовые камни он растирал в порошок, раскалывал молодые деревья. Словом, одни называли его Милоном Кротонским, другие — Геркулесом, а иные — Антеем.

VII. (1) Человека, отличавшегося всеми этими качествами, Александр, ценитель великих заслуг, на свою гибель поставил во главе всего войска к радости всех, особенно трибунов, военных начальников и воинов. (2) Наконец, Максимиин подчинил своей военной дисциплине все его войско, пребывавшее в правление Гелиогабала по большей части в состоянии опеки. (3) Это обстоятельство имело, как мы сказали, для Александра, который был превосходным императором, но в таком возрасте, что он сразу же мог вызвать к себе пренебрежительное отношение, — самые тяжкие последствия. (4) Когда Александр находился в Галлии и стал лагерем неподалеку от какого-то города, он был неожиданно убит, в то время как он пытался бежать к матери, воинами, подосланными, по словам одних, самим Максимином, а по словам других — трибунами-варварами; Максимиин был уже раньше провозглашен императором. (5) Причиной убийства Александра одни называют одно, другие — другое. Некоторые говорят, что Маммея советовала своему сыну прекратить войну в Германии и отправиться на Восток и поэтому среди воинов вспыхнул мятеж. (6) Некоторые же говорят, что Александр был слишком строг и хотел раскассировать легионы в Галлии, как он это сделал на Востоке.

VIII. (1) После убийства Александра войско впервые провозгласило Августом — в лице Максимиина — человека из военных кругов, еще не сенатора, без постановления сената. Его сын был дан ему в соправители; о нем мы вскоре расскажем то немногое, что нам известно. (2) Максимиин действовал всегда очень хитро и не только управлял своими воинами в силу своей доблести, но и внушал им величайшую любовь к себе путем раздачи наград и предоставления выгод. (3) Никогда ни у кого он не отнимал пайка. (4) Он никогда не позволял находившимся в его войске воинам заниматься, как это часто бывает, плотничьим или каким-либо другим ремеслом, единственным упражнением для его легионов были неоднократно устраивавшиеся им охоты. (5) Но обладая такими достоинствами, он в то же время был так жесток, что одни называли его Циклопом, другие — Бузридом, иные — Скироном, некоторые — Фаларидом, а многие — Тифоном или Гигантом. (6) Сенат так боялся его, что официально и частным образом давались обеты, давали их и женщины с детьми, чтобы он никогда не увидел города Рима. (7) Ведь они слыхали, что одних он распинал на кресте, других заключал в тела только что убитых животных, иных бросал на растерзание диким зверям и засекал розгами — и все это, не обращая внимания на положение человека: казалось, он хотел, чтобы

езде царил военная дисциплина. Сообразуясь с последней, он хотел исправлять также и гражданские порядки, (8) а это не подходит для государя, который хочет, чтобы его любили. Он был убежден в том, что власть нельзя удержать иначе как жестокостью. (9) Вместе с тем он опасался, как бы вследствие его низкого, варварского происхождения его не стала презирать знать. (10) Кроме того, он помнил, как презрительно обращались с ним в Риме рабы знатных лиц, а прокураторы и не смотрели на него. (11) Как это бывает при глухих предрассудках, он ожидал с их стороны такого же отношения к себе и после того, как он стал императором. Столь сильно бывает в душе сознание своего неблагородства!

IX. (1) Для того чтобы скрыть незнатность своего происхождения, он уничтожил всех, кто знал о его роде, даже некоторых друзей, которые из жалости к его бедности многое ему дарили. (2) И не было на земле более жестокого зверя, который в такой степени во всем полагался только на свои силы, как будто его самого нельзя было убить. (3) Наконец, — ввиду того, что он считал себя чуть ли не бессмертным, вследствие крупных размеров своего тела и великой доблести, какой-то мим, говорят, произнес в театре в его присутствии греческие стихи, смысл которых по латыни — следующий: (4) «И кто не может быть убит одним, того убивают многие. Огромен слон, но убивают и его; могуч лев, но убивают и его; могуч тигр, но убивают и его. Остерегайся многих, если не боишься одиночек». И это было уже сказано в присутствии самого императора. (5) Но когда последний стал спрашивать друзей, что такое сказал этот мимический шут, ему было сказано, что он распевает старинные стихи, написанные против суровых людей, и Максимин, как фракиец и варвар, поверил этому. (6) Он не терпел около себя ни одного знатного человека и вообще властвовал по образцу Спартака или Афиниона. (7) Кроме того, он погубил тем или иным способом всех слуг Александра. (8) Он враждебно относился ко всем его распоряжениям. И относясь с подозрением ко всем его друзьям и слугам, он становился все более и более жестоким.

X. (1) Хотя нравы его были таковы, что он жил по образу диких зверей, но он стал еще более суровым и лютым после направленной против него интриги некоего консуляра Магна, который вошел в соглашение со многими войнами и центурионами с целью убить его, желая сам получить императорскую власть. (2) Интрига была следующая: было решено — когда Максимин, наведя мост, захочет двинуться против германцев, его противники перейдут вместе с ним, затем мост будет разведен, и Максимин, окруженный в варварской стране, будет убит, Магн же захватит императорскую власть. (3) Ведь, став императором, Максимин сразу начал вести все войны, и притом как человек опытный в военном деле, с большой храбростью, желая сохранить составившееся о нем мнение и на глазах у всех превзойти славу Александра, которого он убил. (4) Поэтому, будучи императором, он ежедневно руководил упражнениями воинов, сам также вооруженный, показывая войску много приемов рукой и телодвижениями. (5) И вообще говорят, что всю эту интригу выдумал сам Максимин, чтобы иметь возможность больше проявить свою жестокость. (6) Наконец, он без суда, без обвинения, без доноса, без защитника погубил всех их, отнял у всех имущество и, убив более четырех тысяч человек, все-таки не мог насытиться.

XI. (1) При нем же было и выступление осдроевских стрелков, отправших от Максимиана, так как они любили Александра и тосковали о нем; он, как им было известно, был убит Максимин, и никто не мог разубедить их в этом. (2) Словом, они сами объявили своим вождем и императором одного из своей среды — Тита, которого Максимин уже уволил с военной службы. (3) Они надели на него порфиру, украсили знаками царской власти, окружили его словно его воины — все это, впрочем, против его воли. (4) Но он был убит во время сна в своем доме одним из своих друзей по имени Македоний, который был огорчен тем, что ему предпочли Тита; он предал его Максимиану и принес его голову императору. (5) Максимин сначала поблагодарил его, но впоследствии возненавидел его, как предателя, и убил. (6) Вследствие всего этого Максимин становился с каждым днем все более лютым, подобно диким зверям, которые от ран приходят в большую ярость. (7) После этого он перешел в Германию со всем войском, с маврами, осдроенами, парфянами и со всеми, кого вел с собой на войну Александр.

8) Он вел с собой восточные вспомогательные отряды главным образом потому, что против германцев наиболее пригодными оказываются легковооруженные стрелки, (9) У Александра было достойное удивления военное снаряжение, к которому, говорят, Максимин многое добавил.

XII. (1) Итак, вступив в зарейнскую Германию, он сжег на протяжении тридцати или сорока миль варварской земли поселки, угнал стада, забрал добычу, перебил множество варваров, повел назад воинов богатыми, взял в плен несчетное количество людей, и если бы германцы не бежали с равнин в болота и леса, он подчинил бы всю Германию римской власти. (2) Тут он много действовал и собственными руками; попав в болото, он был бы окружен германцами, если бы свои не освободили его в то время, как он завяз в болоте вместе со своим конем. (3) Его варварское безрассудство доходило до того, что он считал обязательным для императора действовать всегда своей собственной рукой. (4) Словом, он дал в болоте как бы морское сражение и перебил здесь очень много народа. (5) Победив Германию, он послал в Рим сенату и народу написанные под его диктовку письма такого содержания: (6) «Мы не умеем, отцы сенаторы, говорить столько же, сколько мы сделали. Приблизительно на протяжении сорока или пятидесяти миль мы сожгли германские поселки, угнали стада, захватили пленных, убили вооруженных, сражались в болоте. Мы дошли бы до лесов, если бы глубина болот не помешала нам перейти их». (7) Элий Корд говорит, что это обращение составил он сам. (8) Это вполне вероятно: в самом деле, есть ли в нем что-нибудь, чего не мог бы сказать воин-варвар. (9) В таком же смысле, но с большим уважением он написал народу, так как он ненавидел сенат, который, как он думал, относился к нему с большим презрением. (10) Кроме того, он приказал нарисовать картины с изображением того, как велась война, и выставить их перед курией, чтобы живопись говорила о его подвигах. (11) Эти картины после его смерти сенат велел убрать и сжечь.

XIII. (1) При нем было множество других войн, из которых он всегда возвращался первым победителем, с огромной добычей и пленными. (2) Имеется его обращение, посланное им в сенат. Вот его копия: «В короткий срок, отцы сенаторы, я провел столько войн, сколько ни один из прежних императоров. Я доставил в римскую землю столько добычи, сколько нельзя было даже надеяться получить. Я привел столько пленных, что для них едва хватило римской земли». Остальная часть обращения не относится к этим событиям. (3) Усмирив Германию, он прибыл в Сирий, готовясь идти войной на сарматов и мечтая в душе подчинить римской власти все северные страны вплоть до Океана; (4) и он сделал бы это, если бы прожил дольше, как говорит греческий писатель Геродиан, который, насколько мы можем понять, из ненависти к Александру очень благожелательно относился к Максиминому. (5) Однако римляне не могли выносить его жестокость. Он привлекал к себе доносчиков, подсылал обвинителей, выдумывал преступления, убивал невинных, осуждал всех, кто только ни являлся на суд к нему, превращал богатейших людей в бедняков, добывал себе деньги только тем, что делал несчастными других, без всякой вины погубил многих консуляров и военачальников: некоторых он сажал в порожные повозки, других держал под стражей, в сущности — он не пропускал ни одного повода проявить свою жестокость. Поэтому римляне задумали отложиться от него. (6) Однако не только римляне, но — ввиду свирепости, которую он проявил и по отношению к воинам, — и находившееся в Африке войско, подняв внезапно крупнейший мятеж, провозгласили императором старого Гордиана, мужа весьма почтенного, который был там в звании проконсула. Последовательность событий во время этого выступления была следующая.

XIV. (1) Был в Ливии прокуратор императорского казначейства, который, радея об интересах Максимиана, грабил всех. Он был убит деревенским населением при участии некоторых воинов, которые прогнали¹ тех, кто из уважения к Максиминому, защищал этого счетного чиновника. (2) Когда виновники убийства увидели, что им придется прибегнуть к более сильным средствам, они облекли в порфиру проконсула Гордиана, мужа, как мы сказали, почтенного, в преклонных годах, украшенного всеми вида-

¹ Конъектура Холя: *pel<lentes>*.

ми доблести, посланного в Африку Александром согласно сенатскому постановлению. Наступая на него с обнаженными мечами и всякого рода оружием, они облекли его в порфиру и заставили принять императорскую власть, несмотря на то, что он с криком отказывался и падал на землю. (3) И сначала Гордиан принял порфиру неохотно, но потом, видя, что все это дело не пройдет безнаказанно ни для его сына, ни для всей его семьи, он уже без возражений взял на себя императорскую власть, и все жители Африки провозгласили его Августом вместе с его сыном в городе Тисдре. (4) Оттуда он поспешно прибыл в Карфаген с царской пышностью, с телохранителями, с ликторскими связками, увитыми лавром; отсюда он направил сенату в Рим письмо, которое там — вследствие ненависти к Максимину — было принято с радостью, причем был убит начальник преторианских воинов Виталиан. (5) Сенат также провозгласил Гордиана старого и Гордиана молодого Августами.

XV. (1) После этого были перебиты все доносчики, все обвинители, все друзья Максимиана. Убит был и префект Рима Сабин, заколотый в толпе народа. (2) После всех этих событий сенат, еще больше опасаясь Максимиана, открыто и свободно объявляет Максимиана и его сына врагами. (3) Затем сенат рассылает письма во все провинции, чтобы те пришли на помощь ради общего спасения и свободы; все послушались этих писем. (4) Словом, везде друзья, администраторы, военные начальники, трибуны и воины Максимиана были перебиты. (5) Немногие города сохранили верность общественному врагу; предав тех, кто был послан к ним, они через доносчиков быстро сообщили обо всем Максимину. (6) Вот копия письма сената: «Римский сенат и народ, которых государи Гордианы начали освобождать от жуткого чудовища, желают проконсулам, наместникам, легатам, военным начальникам, трибунам, должностным лицам, отдельным городским общинам, муниципиям, городкам, поселкам и укреплениям благоденствия, которое они сами теперь начинают вновь приобретать. (7) Благодаря покровительству богов мы удостоились получить в государи проконсула Гордиана, безупречнейшего мужа и почтеннейшего сенатора; мы провозгласили Августом не только его самого, но также — в помощь ему по управлению государством — его сына Гордиана, благородного молодого человека. (8) Ваше дело теперь — действовать в согласии с нами для того, чтобы осуществить спасение государства, защитить себя от преступлений и преследовать это чудовище и его друзей, где бы они ни находились. (9) Мы даже вынесли Максимину и его сыну приговор, как врагам».

XVI. (1) Вот копия постановления сената: «Когда собрались в храме Кастора за пять дней до июльских календ², консул Юний Силан прочитал полученное из Африки от императора, отца отечества, проконсула Гордиана, письмо: (2) «Отцы сенаторы, — молодежь, которой поручена защита Африки, против моего желания призвала меня к власти. Но я добровольно подчиняюсь необходимости, учитывая в то же время и вашу волю. Ваше дело — вынести постановление, какое вам угодно. До суждения сената я буду в состоянии нерешительности и сомнения». (3) После прочтения письма в сенате сразу же раздалась возглас: «Гордиан Август, да хранят тебя боги! Повелевай счастливо! Повелевай благополучно! Ты освободил нас! Благодаря тебе спасено государство! Все мы благодарим тебя!». (4) Консул поставил вопрос: «Отцы сенаторы, что вы решаете относительно Максиминов?». Последовал ответ: «Враги, враги! Кто убьет их, заслужит награду!». (5) Опять консул сказал: «Какое решение угодно вам принять относительно друзей Максимиана?». Раздались возгласы: «Враги, враги! Кто убьет их, заслужит награду!». (6) Опять раздалась возгласы: «Врага сената распять на кресте! Врага сената убить, где бы он ни был! Врагов сената сжечь живыми! Гордианы Августы, да хранят вас боги! Будьте оба счастливы! Повелевайте оба счастливо! (7) Внука Гордиана мы назначаем претором! Внуку Гордиана мы обещаем консульство! Пусть внук Гордиана называется Цезарем! Пусть третий Гордиан получит преторство!».

XVII. (1) Получив это постановление сената, Максимин, человек по природе дикий, пришел в такую ярость, что его скорее можно было принять за зверя, нежели за человека. (2) Он бросался на стены, иногда ложился на землю, испускал беспоряд-

дочные крики, хватался за меч, как будто мог им перебить весь сенат, рвал царскую одежду, некоторым наносил побои и, по сообщениям некоторых, выколол бы глаза своему юному сыну, если бы тот не скрылся. (3) Причина его гнева против сына была следующая: как только Максимин стал императором, он приказал сыну отправиться в Рим, а тот из чрезмерной любви к отцу не исполнил этого приказа: Максимин думал, что, будь его сын в Риме, сенат ни на что бы не осмелился. (4) Пылавшего гневом Максимиана друзья увели в спальню. (5) Не будучи в силах сдерживать свое бешенство, он, говорят, чтобы забыться, в первый день напился до того, что перестал понимать то, что произошло. (6) На следующий день, пригласив друзей, которые не могли уже видеть его, но молчали и в душе одобряли действия сената, он устроил совещание по вопросу о том, что следует предпринять. (7) С совещания он отправился на сходку; на этой сходке он много говорил против африканцев, много — против Гордиана, еще больше — против сената и призывал воинов отомстить за общие обиды.

XVIII. (1) Речь его на сходке была чисто военная. Вот какой она была: «Соратники, мы сообщаем вам о деле, хорошо вам известно: африканцы нарушили долг верности; в самом деле, когда они его соблюдали? Гордиан, слабый старик, уже близкий к смерти, принял императорскую власть. (2) А безупречные отцы сенаторы, те самые, которые убили и Ромула и Цезаря, объявили меня врагом, хотя я сражался за них и побеждал для них, — и не только меня, но и вас, и всех, кто заодно со мной, а Гордианов, отца и сына, они назвали Августами. (3) Итак, если вы — мужи, если есть у вас силы, пойдем против сената и африканцев; всем их достоинством будете владеть вы. (4) Раздав жалование, притом в огромном размере, он направился с войском к Риму.

XIX. (1) Что же касается Гордиана, то прежде всего в Африке против него поднялся некий Капелиан, начальник мавретанцев, смещенный с должности Гордианом. (2) Когда Гордиан послал против него своего молодого сына, то в ожесточенной битве сын его был убит; сам Гордиан окончил жизнь, удавившись в петле, — он знал, что у Максимиана много сил, а у африканцев сил нет, но зато много коварства. (3) Тогда Капелиан, победив от имени Максимиана, истребил в Африке всех сторонников Гордиана, конфисковал их имущество, никого не щадя, так что вообще казалось, что он делает все это в духе Максимиана. (4) Словом, он разорил города, разграбил святилища, разделил между воинами сделанные богам приношения, избивал в городах и простой народ, и первых лиц. (5) Кроме того, он старался завоевать расположение воинов, заранее подготовляя себе путь к императорской власти на тот случай, если бы Максимин погиб.

XX. (1) Когда это стало известно в Риме, сенат, опасаясь природной, а теперь уже и неизбежной жестокости Максимиана, избрал после смерти обоих Гордианов императором Максима³, бывшего префекта Рима, который отличился, занимая много высоких должностей, человека родом не знатного, но прославившегося своими доблестными деяниями, и Клодия Бальбина⁴, известного своими изнеженными нравами. (2) Народ провозгласил их Августами, а воины и тот же народ называли Цезарем маленького внука Гордиана. (3) Таким образом, государство попыталось опереться против Максимиана на трех императоров. (4) Из них Максим был в смысле образа жизни — более воздержан, в смысле осторожности — более осмотрителен, в смысле доблести — более стоек. (5) Словом, сенат и Бальбин доверили ему ведение войны против Максимиана. (6) После отправления Максима на войну против Максимиана Бальбин оказался в большом затруднении в Риме вследствие внутренних войн и мятежей в городе, особенно когда... были убиты народом по наущению⁵ Галликана и Мецената. Но эти люди из народа были растерзаны преторианцами, а Бальбин был не в силах справиться с этими мятежами. Вообще, большая часть города была при этом сожжена. (7) Услышав о смерти Гордиана и его сына в связи с победой Капелиана, Максимин почувствовал себя как бы возрожденным императором. (8) Однако, когда до него дошло второе постановление сената, в силу которого Максим, Бальбин и Гордиан были провозглашены императо-

³ Марк Клавдий Пупиен Максим.

⁴ Децим Целий Кальвин Бальбин.

⁵ Конъектура Холя: <аuctoribus>.

рами, он понял, что ненависть сената к нему неизменна и что он, по общему мнению, действительно является врагом.

XXI. (1) Он решительно двинулся на Италию. Узнав, что против него послан Максим, он, придя в еще большую ярость, в боевом порядке подошел к Гемоне. (2) Но общий замысел провинциалов состоял в том, чтобы, уничтожив все то, что могло служить для пропитания, укрываться внутри городов и морить голодом Максимиана с его войском. (3) Наконец, когда он, расположившись лагерем в поле, не нашел никакого продовольствия, его собственное войско воспыало враждой к нему за то, что оно страдает от голода в Италии, где оно надеялось восстановить свои силы после перехода через Альпы; сначала оно роптало, а затем начало даже высказываться свободно. (4) Когда Максимиан пожелал наказывать за это, войско сильно вознегодовало, но молча подавило на время свою ненависть: в подходящий момент оно сразу проявило ее. (5) Очень многие говорят, что самое Гемону Максимиан нашел пустой и покинутой, глупо радуясь тому, что будто бы целый город отступил перед ним. (6) После этого он подошел к Аквилее, которая, поставив против него по стенам вооруженных людей, закрыла ворота. Под руководством консуляров Менофила и Криспина была организована оборона.

XXII. (1) Во время тщетной осады Аквилей Максимиан направил в этот город послов. Народ готов был согласиться с ними, но Менофил и его сотоварищ воспротивились, говоря, что и бог Белен⁶ дал через гарусника ответ, что Максимиану суждено быть побежденным. (2) Вследствие этого воины Максимиана, говорят, хвастались впоследствии, что против них сражался Аполлон и что это была победа богов, а не Максимиана или сената. (3) По словам некоторых, они выдумали это, так как им было стыдно, что они, вооруженные, были таким образом побеждены почти невооруженными людьми. (4) Итак, Максимиан, наведя мост на бочках, перешел реку и начал осаждать Аквилею, став вплотную под ее стенами. (5) Начался сильный штурм и решительный бой, причем граждане защищались от воинов серой, огнем и другими подобного рода средствами; некоторые из воинов бросали оружие, на других горела одежда, у иных вытекли глаза, разрушались также военные машины. (6) Среди всего этого Максимиан со своим юным сыном, которого он провозгласил Цезарем, обходил вокруг стен на таком расстоянии, чтобы чувствовать себя в достаточной безопасности от бросавшихся копий, и обращался с просьбами то к своим, то к горожанам. (7) Однако это несколько не помогало. Осыпали бранью и его — за его жестокость, и его сына, который был замечательно красив.

XXIII. (1) Думая, что война затягивается вследствие бездеятельности его сторонников, Максимиан казнил своих военачальников в такое время, когда отнюдь не следовало прибегать к этому. Этим он возбудил против себя еще больший гнев со стороны своих воинов. (2) К этому присоединился еще недостаток в продовольствии, так как сенат отправил письма во все провинции и ко всем стражам гаваней, чтобы никакое продовольствие не попадало в руки Максимиана. (3) Кроме того, он разослал по всем городам бывших преторов и квесторов для устройства охраны во всех местах и защиты всего от Максимиана. (4) Наконец, осаждавший сам стал испытывать бедствия, какие обычно испытывает осажденный. (5) Среди всего этого приходили известия о том, что весь мир объединился в ненависти к Максимиану. (6) Напуганные этим войной, чьи близкие находились на Альбанской горе, как-то в полдень, во время передышки от боев, убили Максимиана и его сына, лежавших в палатке, а затем, насадив их головы на пики, показали их аквилейцам. (7) В соседнем городе были немедленно опрокинуты статуи и изображения Максимиана, его префект претория был убит вместе с наиболее известными его друзьями. Головы их были даже посланы в Рим.

XXIV. (1) Таков был конец Максимианов, заслуженный жестоким отцом, но не заслуженный добрым сыном. Смерть их вызвала огромную радость у провинциалов, тяжкую печаль у варваров. (2) После убийства общественных врагов горожане приняли к себе просивших их об этом воинов, но с тем условием, чтобы они прежде всего совершили поклонение перед изображениями Максимиана, Бальбина и Гордиана, причем все говорили, что первые Гордианы были причислены к богам. (3) После этого из Акви-

⁶В рукописи Р другой рукой написано: Марс (martem).

леи было за деньги послано в лагерь, который страдал от голода, огромное количество провианта, и на следующий день, когда воины подкрепили свои силы, они пошли на сходку, и все присягнули Максиму и Бальбину, называя при этом первых Гордианов божественными. (4) Трудно выразить, сколь велико было веселье, когда через всю Италию несли в Рим голову Максимиана, и все выбегали навстречу, чтобы принять участие в общей радости. (5) Максим же, которого многие называли Пупиеном, в Равенне готовился к войне, командуя вспомогательными войсками из германцев. Узнав о том, что войско перешло на его сторону и на сторону его сотоварищей, а Максимины убиты, (6), он, немедленно распустив вспомогательные войска из германцев, которые были у него приготовлены против врага, отправил в Рим украшенные лавром письма, принесшие в город огромную радость, так что все стали возносить благодарственные моления перед жертвенниками, в храмах, часовнях и священных местах. (7) Бальбин, человек по природе робкий, трепетавший при одном имени Максимиана, заклал гекатомбу и приказал совершать по всем городам моления с такими же жертвоприношениями. (8) Затем Максим прибыл в Рим, вступил в сенат и, после того как ему была выражена благодарность, произнес речь на сходке, а оттуда удалился вместе с Бальбином и Гордианом — как победители — в Палатинский дворец.

XXV. (1) Важно знать, каково было сенатское постановление и каков был в городе тот день, когда пришло известие о гибели Максимиана. (2) Прежде всего, человек, посланный из-под Аквилей в Рим, мчался, меняя лошадей, с такой стремительностью, что прибыл в Рим на четвертый день после того, как оставил Максима в Равенне. (3) Случилось так, что в этот день давались игры; в то время как Бальбин и Гордиан сидели в театре, туда неожиданно вошел вестник и, прежде чем успели что-либо объявить, весь народ воскликнул: «Максимин убит!» (4) Таким образом, весть была предвосхищена, и присутствовавшие императоры выразили общую радость кивками и тем, что сами присоединились к ней. (5) Зрелище было прервано, и все тотчас же поспешили к своим святиням, а затем знатные устремились в сенат, а народ — на сходку.

XXVI. (1) Сенатское постановление было следующее: после того как Бальбин Август прочитал в сенате письмо, в сенате раздались возгласы: (2) «Врагов сената, врагов римского народа преследуют боги! Юпитер всеблагой, тебе благодарность! Чтимый Аполлон, тебе благодарность! Максим Август, тебе благодарность! Бальбин Август, тебе благодарность! Божественным Гордианам мы назначаем храмы!» (3) Имя Максимиана, еще раньше стертое с памятников, теперь следует стереть в наших душах! Голову общественного врага бросить в проточную воду! Пусть никто не хоронит его тело! Кто грозил смертью сенату, сам убит, как он того и заслуживал! Кто грозил оковами сенату, сам, как и следовало, погублен! (4) Святейшие императоры, мы благодарим вас! Максим, Бальбин, Гордиан, да хранят вас боги! Мы все жаждем видеть вас победителями врагов! Мы все жаждем присутствия Максима! Бальбин Август, да хранят тебя боги! Украсьте предстоящий год своим консульством! Пусть Максимиана сменит Гордиан!» (5) Затем Куспидий Целерин, у которого спросили его мнение, держал такую речь: «Отцы сенаторы, после того как стерто имя Максиминов и Гордианов провозглашены божественными, мы назначаем в честь этой победы нашим государям Максиму, Бальбину и Гордиану статуи со слонами, назначаем триумфальные колесницы, назначаем конные статуи, назначаем трофеи». (6) После этого сенат был распущен и были назначены благодарственные моления по всему городу. (7) Государи-победители удалились в Палатинский дворец. Об их жизни мы будем говорить в порядке очереди в другой книге.

